

---

КНИЖНЫЙ ОСТРОВ

---

**Дмитрий Бобылев. Улица Бобылева: Стихи. СПб.: Гамма, 2023. — 90 с.: ил.**

Улица Бобылева — обыденна и узнаваема. Хрусткие на рассвете дорожки, беспородные трамваи, жерди-фонари... Переулки, проспекты, дворы и места, где «не гулял никто лет сто»... Стихи Дмитрия Бобылева густо населены: мелькнут в переулке «родных людей забытые фигуры»; любимая изящно минует лужу, «покою отраженный не нарушив!», «окрашенный под бронзу человек / выключивает фото у прохожих...», «проворной скандинавскою ходьбою / дремотный парк старушка бередит», а «по набережной тихо прошуршит / старик с гармошкой, оставляя ветру / дожеванный огарок сигареты / и лавочки бессмысленную ширь». Дмитрий Бобылев, поэт и художник, родился в 1987 году в городе Серове (Северный Урал). Там же в 2012 году вышел первый сборник его стихов — «Рыбаки». «Улица Бобылева» — вторая книга поэта. А в промежутке между выходами его книг — публикации в поэтических сборниках, альманахах, журналах. С 2014 года живет в Санкт-Петербурге. Марк Лисин, участник музыкально-поэтического клуба «Дар», действующего в городе Серове с 2006 года, назвал Д. Бобылева человеком, известным в поэтических кругах как виртуоз хитросплетенной рифмы и перформанса (в эпоху Интернета поэтические круги безграничны). И очень точно Марк Лисин определил особенности поэтического мастерства Д. Бобылева: «И вроде пишет он только то, что видел, но вот видит он определенно не то, что мог бы увидеть обычный человек. Тут и внимание к деталям, и внутренние переживания, и тот неуловимый шарм, который Дмитрий тонко чувствует в природе и людях... Вне зависимости от того, пишет он стихи или картины, это всегда момент застывший во времени».

То ляжет лютый гололед,  
 То не найти к мосту ступеней.  
 А то и дождиком польет,  
 Пока бредешь вдоль трассы тенью...  
 А все вокруг полно любви,  
 Включая корпуса завода,  
 Не исключая мутных луж  
 И заодно с борщевиками...  
 Опять не можешь отыскать  
 Среди кустов тропинку к храму,  
 Где будет свет, лучась из рамы,  
 Тебя в макушку целовать. («В пути»)

М. Лесину вторит руководитель клуба «Дар» Марина Демчук: «А стихи не надо понимать буквально. Их надо читать и слышать как музыку. Представлять картины. Потому что Димины стихи почти всегда вырастают из обыденной реальности, из какой-то малости. „Я отломил бездомному коту кусочек пирога с яйцом и рисом...“, „Дед в спецовке конопатит стены...“, „Соседушка выпил на праздник...“. Обычная, привычная жизнь становится поэзией. Начинается с детали, а уводит в такие высо-

ты и пространства смысла... У поэта особый взгляд, он умеет пристально видеть то, по чему остальные просто скользят взглядом. А потом подает это увиденное в своих стихах, как в сильной увеличивающей линзе, чтобы и мы увидели. Недаром один из наших ДАРовских „зубров“ назвал Диму „поэтом детали“. Поэзия разлита везде, во всем, неощутимая, как воздух». Этот переход от детали, от конкретной картины, от запечатленного момента к высоте пространства и смысла присутствует фактически в каждом стихотворении поэта, и в том, которым сборник открывается:

Отец проходит молча из сеней,  
Отец плотнее двери закрывает,  
Снимает кирзачи, кивает мне,  
Зеленый рукомойник наливает.

На полотенце выцвели цветы,  
Зато настой густой в побитой кружке.  
Еще он от работы не остыл,  
И за футболку зацепилась стружка.

Он с улицы, но смотрит за окно.  
Не стар еще, а дом совсем уж рохля.  
На ветке виден зяблик-свистунок,  
А яблоня почти уже засохла.

Такой сюжет, обыденный вполне.  
И тут как тут, в луче пылинки вьются.  
А у отца комарик на спине.  
Согнать бы, но до слез боюсь проснуться.

Одна строка, последняя, переворачивает рутинную ситуацию в пронзительно-драматичное эмоциональное переживание. Или вот такой переход из текущего момента в вечность:

Выбрался на первые снежинки,  
След повел к медлительной реке,  
Слушал, как молоденькие льдинки  
Шепчутся на старом языке.

Поскользнулся, отряхнул колено,  
Палкой нацарапал на снегу.  
Погрозил цепному псу поленом,  
Задремал в автобусе на Мгу.

А свеча по-прежнему горела,  
За 15 куплена рублей,  
И дыханье ангелов в приделах  
Паром выходило из дверей.

Д. Бобылев создает картины бытия, угадываемые, узнаваемые, всегда неожиданные.

Акаций ветки легки, тонки  
Валились мешком на дно,  
А там мужчина брел без руки,  
Парили птенцы без нот.

И дед, вздыхая и матерясь,  
Ходил по двору с ведром,  
Ночной шрапнели стальную грязь  
Клал в цинковое нутро...

Поясняющим указателем может служить дата — 2019 год и название стихотворения — «Горловка». Под этой же датой (обычно поэт ее не проставляет под своими стихами) есть и другие стихи. Много неожиданных, свежих образов, например, «новорожденная вода / Рассеивая родинки по скалам, / Скользнула сентябрем по волосам»; «Сжимает тьму озыбшая рука, / Пока поймает прочные перила»; «И звезды стучали по башке — / Летел тополиный пух». Подтекстами, смыслами наполнены каждая строка, каждое слово, выбранное умело, филигранно, точно.

От фонарей не видно звезд,  
И мы с друзьями  
Столицу топчем, как погост  
Под фонарями.

Устав от сырости земной,  
Сойдем в шаверму.  
Закроют небо за спиной,  
И грязь, и скверну.

В «обыденных», «густонаселенных» не только людьми, но и разнообразными живыми существами стихотворениях Д. Бобылева запечатленная минута бытия существует с тонкими мирами человека мыслящего и чувствующего, поднимающегося над сиюминутным.

По комнате скрипучими шагами  
Шаталось время за босыми нами  
По тем же доскам, и на те же стены  
Роняло тень безжалостное время.

Во вступительном слове Леонард Побреховский, он же поэт Александр Курапцев, пишет: «С Дмитрием Викторовичем мы познакомились на Васильевском острове, куда приходили немножко поумирать в клубе любителей тишины — что-то вроде клуба литературных алкоголиков. Гвардейцы клуба много и малозначительно молчали, перемежая молчание силлабо-тоническими вздохами. Вздохи Дмитрия Викторовича выгодно выделялись на общем фоне, были выразительнее, рельефнее, концентрированнее, возможно, за счет уральского колорита и внутренней искренности перед самим собой — „новой искренности“. И это уже была не игра в поэзию...» Улица Бобылева — это в конечном итоге улица настоящих, грамотно построенных осмысленных стихов.

Осталась музыка, но некому играть.  
Бормочет радио, но некому прослушать.

Как будто зацепившись за рукав,  
Гудка неисчерпаемая нота  
Все тянется и тянется в века,  
И... рвется за случайным поворотом.

Смотри, тут больше некому смотреть:  
Вот небо сокращается на треть,  
И осень оседает на очках  
Незримым ископаемым налетом.

**Вячеслав Тебенко. Вакцина памяти. СПб.: Союз писателей Петербурга, 2023. — 228 с.**

Главный герой романа — историк Валерий Панько. Его любимая считает, что он человек сложный: «давно за тридцать, и что — однушка в Шушарах, где нет места даже для книг, и должность преподавателя в техникуме. Даже диссертацию не закончил». Сам Панько полагает, что он вполне адекватный и предсказуемый. Потеряв работу, Панько попадает на службу в закрытое ведомство — Главное управление исторических исследований (ГУИИ), в отдел специальных расследований. И пригласили не для того, чтобы он занимался какими-то мелочами, вроде княжеских междоусобиц и коррупции времен Батыя, но как специалиста по истории Руси изначально. От Панько, противника норманнской теории, требуется доказать, что Древнерусское государство явилось результатом созидательного труда и воли славян... На карту, как сообщает ему руководитель ГУИИ, поставлены сумасшедшие деньги, возможности, целые отрасли мировой экономики. Параллельно развиваются, пересекаются две сюжетные линии: современность и далекая древность. День нынешний: сатира, смесь реализма и фантазмагории. ГУИИ, контора серьезная, не могла избежать всеобщей рутины и заорганизованности, поэтому ее сотрудники захлебывались в потоке мелких дел. Ерунда не ерунда, но каждая проблема требовала решения. Так, жители Великого Новгорода, чьи предки пострадали от Ивана Грозного в ходе построения централизованного государства, требовали компенсации, реабилитации и наказания виновных. Так, предстояло «отмазать Петра Алексеевича». Фигура, ранее абсолютно непотопляемая, стала проходить «по модной ныне статье об оскорблении чувств и препятствии религиозной деятельности, традиционной для русского человека». Ведь именно Петр Первый отменил патриаршество в 1700 году, а позднее вовсе учредил Синод и поставил во главе светского обер-прокурора. При решении поступающих задач постоянно приходилось учитывать современный контекст, «который умеет колебаться вместе с генеральной линией». Современный контекст требовал определиться, откуда вести историю Древнерусского государства — из Киева или из Великого Новгорода, к какому роду-племени принадлежали устроители этого государства, и не сыграть при этом на руку сопредельному государству. ГУИИ боролось сразу на нескольких фронтах: внешнем, внутреннем и самом сложном — внутриведомственном. Несмотря на ментальное противостояние США и РФ, из-за океана просят помочь разобраться с тамошними переписчиками истории, хунвейбинами нью-йоркских гетто, которые то Колумба «на вилы поднимают» за то,

что открыл Америку и бил боем туземцев, то Вашингтона, что владел рабами. Разногласия по оценкам персонажей российской истории между ГУИИ и ЦИК (Центральным историческим комитетом, главным соперником ГУИИ) разбираются в суде. Свою точку зрения на события 1905 года отстаивают царь и Ленин, Екатерина Алексеевна опротестовывает предъявленные ей обвинения в том, что она иностранный агент, виновный в усилении крепостного права, оскорблении русского и других народов Российской империи. В инсценировках участвуют ряженые. Редкая возможность в такой игровой форме посмотреть на знакомые события и персонажи с различных, неожиданных точек зрения. Центральный вопрос об истоках русской государственности будет решаться с использованием новейших методов: в секретной лаборатории Института исторической памяти разработан способ восстановления генетической памяти человека, позволяющий вспомнить все, что видели предки на заре рождения Руси. С помощью ДНК можно найти потомков людей, живших в IX веке: достаточно сопоставить ДНК, полученные от останков, найденных во время раскопок, с базой современных данных, появившейся во всех цивилизованных странах в период тотальной вакцинации от ковида. «Вы хотите сказать, что под видом прививок у нас брали ДНК? — Панько сделал такие глаза, словно он монах-аскет девятнадцатого века, попавший в двадцать первый». В современности обнаруживаются потомки и наглого разбойника-купца, и мудрого Пня-Пересвета. Сны современных героев и опыты по восстановлению генетической памяти образуют «древнерусскую» сюжетную линию. В далекую эпоху, где ждут его злоключения, приключения и удивительные открытия, знакомство с Рюриком и Трувором, попадает и Панько. Вячеслав Тебенко, историк, блестяще владеющий материалом, обыгрывает в своем романе интеллектуальные баталии историков прошлого и современности. Откуда пошла земля Русская? И почему Русь? Как связаны между собой русы, славяне, поляне, древляне? Какое место они занимают в калейдоскопе древних народов, среди которых хазары, византийцы, арабы, викинги? Что может быть правдой? А что откровенно является конъюнктурными измышлениями древних хронистов? И откуда византийские хронисты и русские летописцы брали сведения? Когда именно и почему вносили правки в свои тексты? Изящно, остроумно, с юмором погружает В. Тебенко читателя в широко представленную, объемную историческую проблематику. Вот гложут Панько сомнения: «...вдруг Рюрик и его дружинники датчане, иноагенты. Или Рюрик хазарский каган, и его предки — родом из Великой Степи и обитали в пределах нынешнего Казахстана. Республика, конечно, братская, но как-то нелогично, что тюрки-хазары-казахи дали первых русских князей». Вот беседуют великий князь Владимир и летописец Остромысл, обсуждая родословную князя. Летописец советует князю выбрать предков попородистей, чтобы не позориться мелким происхождением. Кого выбрать: римлян ли, готов ли, хазар, ляхов или чехов? Народ не поймет. «Дело непростое, от Гостомысла родом пойдем, что ли, от Велеса, от Кия? Нет, о Кие знают, что не было от него потомства. Сами-то мы пришлые, новгородцев у меня в дружине много, варягов. — От Гостомысла, — усмехнулся летописец. — Ты ее от Коромысла поищи. Да таких предков у каждого князя и подкняжича по два хутора с запасом». Сходятся на том, что родословная князя пойдет от варяжского князя. «Какого Остромысл, какого князя? — Известно какого, смелого, да про которого никто не помнит, — с этими словами монах подошел к куче свитков и грамот, демонстративно все перемешал». Так варяжский правитель Рюрик стал основателем Руси и прародителем династии. Задно летописец обещает исправить в своем писании прошлое князя, немало народу погубившего в ходе усобиц за престолы князьи. Загадки, тайны и намеки умело

расставлены на протяжении обеих сюжетных линий этой остроумной, насыщенной информацией книги.

**Юлия Андреева. Ох уж эти Шелли: Роман, эссе. М.: Вече, 2022. — 288 с. — (Всемирная история в романах).**

«Кто сказал, что биография — скучный жанр? — вопрошает Юлия Андреева, автор более десятка биографических книг. — Убеждена, что нет ничего более интересного, чем жизнь человека, тем более, если это жизнь творца, гения, того, кто не просто проводит время в ожидании неизбежного заката, но творит, создает, падает в пропасть и поднимается в небо!.. Сегодня я хотела бы рассказать вам о жизни удивительной женщины и талантливого писателя-фантаста Мэри Шелли, женщине, которая не принимала двойных стандартов, даже если они были ей выгодны, которая была изгнана из дома отцом за то, что оставалась верна идеалам, воспринятым еще в юности. Я буду говорить о женщине, которую называли падшей, в то время, когда она знала только одного мужчину, о женщине-переводчице, редакторе, любящей жене и нежной матери. О женщине, за которой неустанно следила полиция, в каком бы городе она ни находилась, какую бы государственную границу ни пересекала». Мэри Шелли (1797—1851), автор знаменитого готического романа «Франкенштейн, или Современный Прометей», который считается ранним примером научной фантастики, долгое время находилась в тени своего мужа, классика английского романтизма, поэта и философа Перси Биши Шелли (1792—1822). Бытовало даже мнение, что автор романа о Франкенштейне не юная 19-летняя женщина, а ее именитый муж. Шли годы, поэт Шелли все больше забывался, а слава Мэри росла, и уже о нем говорили как о муже «той самой Мэри Шелли». Но, как показывает в своем романе Ю. Андреева, оба Шелли были личностями неординарными, с нестандартными для своего времени убеждениями. Мать Мэри, Мэри Уолстонкрафт, философ и активистка-феминистка, автор эссе «Защита прав женщины» и нескольких книг об истории французской революции, непосредственным очевидцем событий которой была сама, умерла при рождении дочери. Девочку воспитывал отец — политический философ У. Годвин. В своих работах он призывал упразднить частную собственность и само государство, яростно нападал на институт брака. Дочь с детства восприняла взгляды родителей. Перси происходил из древнего и богатого рода: после смерти отца он должен был унаследовать крупное состояние и титул баронета. Подростком увлекся идеями Годвина, учась в Оксфорде, вместе с другом издал брошюру «Необходимость атеизма», был отчислен. Его отец, человек консервативных взглядов, разозлился, назначил сыну 200 фунтов ежегодной пенсии и на время велел не показываться дома. Перси было 19 лет, и он принялся чудить: писал и распространял политические памфлеты, вопреки воле родителей женился на 16-летней дочке богатого трактирщика. Он познакомился со своим кумиром У. Годвином и его дочерью Мэри. Молодые люди полюбили друг друга. «Перси был божественно красив и так же, как и отец Мэри, отстаивал идеалы свободы, требуя отбросить условности и жить по совести». А так как будучи уже женатым, жениться Перси не мог, то влюбленная пара, захватив с собой сестру Мэри, Клэр, 28 июля 1814 года уехала во Францию. Через пару недель они вернулись, но отец, всю жизнь ратующий за свободную любовь, отказался видеть свою дочь. Ибо, как поясняет Ю. Андреева, тогда он, многодетный отец лишился бы пособий от государства и церкви. Троица стала путешествовать по Европе: Франция, Швейцария, Англия, Италия. В 1816 году, после смерти первой жены Перси, он и Мэри обвенчались. Ю. Андреева живописует все сложные перипетии

семейной жизни Шелли. Крайняя бедность, ибо Шелли зарабатывал писательством мало. Многочисленные увлечения влюбчивого Перси. Тяжело переживаемая Мэри смерть маленьких детей: из пяти, рожденных ею, в живых остался только один ребенок. Заботы о Клэр и ее незаконнорожденной дочери от лорда Байрона, близкого друга Перси. Ю. Андреева воссоздает биографии родителей Мэри Шелли, ее близких. Рассказывает о рождении знаменитого романа и об отношениях автора Мэри Шелли и ее героя. «Ее человеческие симпатии были отнюдь не на стороне полубезумного ученого, гораздо больше Мэри сочувствовала безвинно изгнанному своим творцом уродливому и от того еще более несчастному существу». Постепенно эти отношения приобрели мистический оттенок: Мэри стала чувствовать присутствие в своей жизни сотворенного ею существа, жила с постоянным предчувствием беды, смерти близких приписывала созданному ею монстру. В 1822 году Перси Шелли в возрасте 29 лет во время бури утонул у берегов Италии. Пережив смерть детей и любимого супруга, Мэри Шелли продолжила творческую деятельность, бережно хранила наследие мужа: редактировала, собирала в антологии, публиковала его стихи. Последние годы прожила в доме сына, унаследовавшего титул баронета замка Горинг. Ю. Андреева нашла оригинальный подход к биографическому материалу. Жизнь реального человека — Мэри Шелли — она рассматривает через призму полицейского расследования, которое ведется параллельно бурной жизни четы Шелли. «Ведь мы знаем, что и на нее, и на ее мужа неоднократно заводилось судебные дела, что за супругами была установлена слежка. За что отдельное спасибо тем, кто следил, и, в свою очередь, позволил нам идти по все еще не остывшему следу двухвековой давности!» В книге следствие ведут суперинтендант Вильсон и его тайный агент Нокс, а также соглядатай в доме Шелли, их лакей. Благодаря этому проливается свет на историю подлинного Франкенштейна и точка зрения ученого-богослова на возможность создания искусственного человека. Роман о писательнице, одним блестящим произведением обессмертившей свое имя, дополнен эссе о жизни и творчестве двух других авторов со схожей литературной судьбой — это Антуан де Сент-Экзюпери и Алан Александр Милн. Первый приобрел немеркнущую славу в мировой литературе благодаря Маленькому принцу, второй — медвежонку Винни-Пуху.

**Юрий Дрюков. Российские истории. Служение. Любовь. Рыцарство.**

**Изд. 2-е, дораб. Саратов: Амирит, 2023. — 192 с.; ил.**

Герои этой книги — Екатерина II и генерал-фельдмаршал Григорий Потемкин-Таврический; а также один из руководителей политического сыска при Александре I Яков де Санглен и граф Алексей Аракчеев. В центре очерка «Отдайте туркам Крым...» — история обретения и освоения Крыма Россией. Юрий Дрюков пишет о реальных свершениях первого русского устроителя присоединенных земель, получившего титул «светлейшего князя Таврического». Присоединение Крыма обеспечило России выход к морю, обогатило страну пахотными землями, остановило набеги крымцев, что пресекло торговлю русскими невольниками. Следуя своей программе по развитию новых территорий, Потемкин строил города, порты и верфи. Были заложены города Херсон, Николаев, Екатеринослав (он же Днепрпетровск, Днепр), созданы военный флот и база для его стоянки — Севастополь. В Крыму Потемкин положил начало пашенному земледелию, виноградарству, шелководству, элитному овцеводству. Пустынные территории — дикое поле — заселял колонистами. Ю. Дрюков приводит малоизвестные факты, детали, цифры. Так, Потемкин запретил вырубку лесов, выписывал из разных

стран саженцы инжира, миндаля, граната, лавра. Благодаря ему на полуострове впервые появились кипарисы, ныне неотъемлемая часть крымского пейзажа. А прочно вошедшее в обиход понятие «потемкинские деревни» — не более чем следствие информационной войны, развернутой европейскими странами. Натравливая на Россию Оттоманскую империю и Швецию, дипломаты Англии, Франции, Пруссии пытались доказать, что Россия — «колосс на глиняных ногах», с которым легко справиться. И особняки, и дворцы Новороссии в их подаче превратились в мазанки и нарисованные на холстах дома, а грозный флот в Севастополе — в несколько купеческих кораблей и старых барок. Мнение современников о Потемкине неоднозначно: одни считали его ловким временщиком, ставшим знаменитым лишь благодаря связи с императрицей, другие — одним из величайших государственных мужей екатерининской эпохи. Но вот факты. Взойдя на престол, Павел I назначил две сенатские ревизии финансовой деятельности ненавидимого им, уже покойного Потемкина. В результате светлейший князь был оправдан. Казна еще и осталась должна Потемкину: он часто оплачивал государственные расходы из собственного кармана. Полностью доверяла своему тайному мужу Екатерина II (предполагается, венчание Екатерины и Потемкина состоялось 8 июня 1774 года). Императрица ценила преданность Потемкина, советовалась с ним по всем вопросам управления государством: «Но в нем было еще одно редкое качество, отличавшее его от всех других людей: у него была смелость в сердце, смелость в уме, смелость в душе. Благодаря этому мы всегда понимали друг друга и не обращали внимания на толки тех, кто меньше нас смыслил... он настоящий был дворянин, умный, меня не продавал: его невозможно было купить». В 1780 году сразу три державы пытались подкупить Потемкина. Фридрих II пообещал ему Курляндию; австрийская сторона — немецкое княжество; англичане — что-нибудь из своих обширных владений в Америке и Ост-Индии. Все предложения были отклонены. В очерке «Григорий Потемкин и Екатерина II, или Паж становится Королем...» рассказывается о личных отношениях Екатерины и Потемкина, доверительность которых сохранялась и тогда, когда оба несколько охладели друг к другу и стали заводить новые амурные связи. Потемкин до самой своей смерти сохранял влияние и де-факто оставался вторым лицом в государстве. В основе очерка — личная переписка Екатерины и Потемкина, свидетельства современников. Потомок гасконского дворянина, бежавшего из Франции в начале 1770-х годов после дуэли, герой очерка «Де Санглен Яков Иванович — рыцарь при императорском дворе» — фигура в нашей историографии менее известная. Де Санглен (1776—1864) начал служить при Екатерине II. Не приняв порядков Павла I, ушел в отставку, преподавал, вновь поступил на государственную службу при Александре I. В 1810 году перешел в Министерство полиции. Краткими, толковыми докладами, написанными четким почерком и на хорошей бумаге, приглянулся Александру I. В 1812—1819 годах стал начальником Особенной канцелярии Министерства полиции, фактически — тайной полиции. В эти годы де Санглен не раз выполняя личные поручения императора, в том числе по делу Сперанского. Был рядом с государем, когда Наполеон напал на Россию. Оставил «Записки», которые использованы в очерке. Статья «Граф Аракчеев, или Преданность двум императорам — отцу и сыну» написана в соавторстве с Т. Бурковой. Фактически в ней реабилитация исторического персонажа, чья фамилия стала нарицательной, обозначая грубую военщину и деспотизм. Но вот Пушкин, не щадивший Аракчеева в своих эпиграммах, узнав о его смерти, написал жене нечто неожиданное: «Об этом во всей России жалею я один — не удалось мне с ним свидеться и наговориться». Ю. Дрюков рисует портрет человека безукоризненной честности, неумолимого к взяточничеству, нерадению по службе, к вымогательству и волоките. Чем и заслужил во многом нелюбовь современников. Сын небогато-



го помещика, в детстве получивший первый урок бедности, свою карьеру А. Аракчеев строил сам. Успешно начав службу — обучение рекрутов артиллерийскому делу, — был замечен, рекомендован в Гатчину, где Павел Петрович организовывал военные отряды. Заслужил доверие будущего императора, подружился и с его наследником Александром. Аракчеев реформировал русскую артиллерию, участвовал в Отечественной войне 1812 года и заграничных походах 1813—1814 годов, стал военным министром России и главным начальником военных поселений (с 1817 года). В 1796 году Павел I даровал Аракчееву село Грузино в Новгородской губернии, где был создан завораживающий дворцово-парковый ансамбль (подробно описанный в книге), после смерти владельца переданный Новгородскому кадетскому корпусу. В годы Великой Отечественной войны усадьба Аракчеева полностью превратилась в руины. Позитивно Ю. Дрюков характеризует и военные поселения, в которых отсутствовали нищенство, бродяжничество и пьянство, все были сыты. Кроме того, в усадьбе действовала бесплатная больница для крестьян. И все-таки грузинские дворовые зарежут домоправительницу Аракчеева, и все-таки в 1831 году в новгородских поселениях вспыхнет бунт. Эта информационно насыщенная, увлекательная книга включает в себя сценки и диалоги, документальные свидетельства: записки, письма, мемуары, уникальные иллюстрации.

Публикация подготовлена  
**Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ**

Редакция благодарит за предоставленные книги  
Книжную Лавку Писателей  
(Санкт-Петербург, Невский пр., 66, т. (812) 640-44-06,  
[www.lavkapisateley.spb.ru](http://www.lavkapisateley.spb.ru))